

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1976

И. ЛАУДЕ-ЦИРТАУТАС

К ВОПРОСУ О ТАБУ И ЭВФЕМИЗМАХ В КАЗАХСКОМ, КИРГИЗСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

В данном предварительном исследовании¹ в термины «табу» и «эвфемизм» вкладывается нами следующее понятие: замена какого-либо выражения, носящего по разным причинам запретный характер, другим выражением.

Табу и эвфемизмы возникают, как известно, в тех случаях, когда произнесение того или иного слова по какой-либо причине становится нежелательным. Некоторые слова заменяются из-за их неприемлемой в силу различных обстоятельств прямолинейности, которая может быть воспринята как непочтительность. Неприятные для слушателя или собеседника слова заменяются менее неприятными — эвфемизмами.

Лингвистические же табу возникли в древности в результате веры человека в сверхъестественные силы и его опасений, что произнесение определенных слов, имен, названий существ или явлений может «накликать» беду, вызвать гнев последних и нанести говорящему какой-либо вред или ущерб.

Так как возникновение табу, или лингвистического табу, связывается с человеческими суевериями, то принято относить его только к далекому или хотя бы недавнему прошлому, когда просвещением и образованием не были затронуты основные массы общества².

Однако установление четкой границы между табу и эвфемизмами представляет значительные трудности³. Конечно, страх древнего суеверного человека перед упоминанием имени покойника или названия того или иного дикого зверя (например, волка) уступил в современном обществе место другим страхам, проявляющимся косвенным образом⁴. То, что в наше время воспринимается как эвфемизм, нередко восходит к табу далекого прошлого⁵. Трудно предположить, чтобы даже самая древняя, казалось бы, примитивная, с точки зрения современности, человеческая мысль полностью и бесследно исчезла, утратив всякую связь с нашим временем.

В казахском, киргизском и узбекском языках, так же как и во всех других тюркских языках, эвфемизмы и табу имеют связи со всеми сферами жизни общества в прошлом⁶. С рождения и до самой смерти каждого человека общество регламентирует то, что ему говорить следует, и что — нет, или что может быть названо им прямо своим именем, а что — иносказательно. Часто термин, прежде применявшийся в качестве эвфемизма, со временем утрачивает свой эвфемистический характер и приобретает полное и прямое значение того слова, для замены которого он, собственно, был создан. В этом случае нередко возникает необходимость в новой замене. Весьма примечательно, что заменяющие слова

заимствуются не только из языков тюркской семьи: чужезычному слову, далекому по значению от заменяемого, отводится в данном случае особенно важная эвфемистическая роль⁷.

А. Табу и эвфемизмы применительно к диким и домашним животным

До недавнего времени в казахском, киргизском и узбекском языках нельзя было называть некоторых животных их собственными именами. Так, например, ночью⁸ запрещено было произносить название змеи *julan*, *žulan*, заменявшееся у казахов словом *tüjme*⁹ 'то, что сворачивается' (*tüj* - 'завязываться узлом'). Туркмены сказали бы *gajys* или *gaga gajys*¹⁰ 'черный ремень' (<*qajyş* 'пояс, ремень')¹¹; тувинцы *uzun çart* 'длинный червяк'¹². У всех тюркоязычных народов слово «волк» было табу¹³. Казахи верили, что если они произнесут это слово, то волк нападет на их скот¹⁴. Поэтому они называли¹⁵ его словом *böri*¹⁶, *itqūs* (<*it* 'собака', *qūs* 'птица?')¹⁷, *qara qūlaq* 'тот, у кого черные уши', *serek qūlaq* 'тот, у кого острые уши'¹⁸, или *ulyta* (<*uly-* ~ *ula-* ~ *ulu-*)¹⁹ 'воюющий'. Любопытно, что в противоположность казахам узбеки избегали употреблять слово *būgi* и говорили *qasqir*²⁰. Туркменские пастухи²¹ называли бы волка словом *mōžek* 'насекомое'; его обычное обозначение *gurt* ~ *qurt* (первоначальное слово-табу, означающее «червяк») не употреблялось также и охотниками, которые заменили бы его словами: *mesdan it* 'степная собака'²², *ady jiten* 'безымянный' (букв.: 'его имя утеряно'), *хуғуғар* 'охотник' (<перс.) или *žapavar* 'животное' (<перс.). Последнее название, общее с азербайджанским языком, было, однако, заменено в нем на *ayzugara* 'тот, у кого черный рот'²³.

В узбекских областях скорпион *šajon* имеет множество табуированных названий. В районе Ташкента его обозначают словом *ešak* 'осел'²⁴ или *oti jūq* 'не имеет имени'²⁵, в районе Самарканда — *bepon* (<перс.). В Андижане словом-заменителем является *gazanda* (<тадж. *gazidan* 'жалить')²⁶. Последние два обозначения относят также и к тарантулу *bij*, называемому еще *qora qurt* 'черный червяк', то есть и здесь тоже табу²⁷.

Казахи и киргизы стараются не называть домашних животных их обычным названием *tört tülik*, обозначая их выражением *tört tülik*²⁸, букв.: 'четыре штуки волосатых', то есть лошади, крупный рогатый скот, овцы и верблюды. Если одно из животных потерялось (*žoyaldy*) или украдено (*ürlandy*), то старшие советуют младшим не употреблять этих слов, сказать вместо них *qoldy boldy*²⁹, ибо считается, что в противном случае животное никогда не будет найдено³⁰. Нельзя также говорить *saulyr boldy* '(кобыл, коров) выдоили', следует употребить вместо этого антифразу (*süt*) *bajydy* 'молоко станет обильнее'³¹. Ср. киргизское: *uj zanybar suuqqa çydamсыз mal... Sütü bajyjt*³² ['Коровы — такие животные, которые не терпят холода... (тогда) их молоко уходит (букв.: становится обильнее)']. Пастухи в горах Восточного Казахстана воздерживаются от употребления глагола *çama-* 'обступать, внезапно напасть'. Загоняя скот в загон на ночевку, они говорят: *keški sayat 6—7 kezinde qojdy qorağa bajytamyz*³³ 'вечером около 6—7 часов мы загоняем (букв.: даем множиться) овец в загон'. Общеупотребительным в казахском языке является выражение *sogра bajydy* 'похлебки станет больше', используемое вместо *sogра bitti* 'похлебка кончилась'³⁴. При расставании друзья и гости избегают выражения *biz ketejik* 'мы сейчас пойдем' для того, чтобы благополучно вернуться, и говорят о своем уходе словами *bajyjuk* или *köbejek* букв.: 'мы сейчас сделаемся многими'³⁵.

По тем же мотивам казахские охотники избегают употребления прямого выражения *soj* 'разделывать (дичь)' и заменяют его словом *majla* 'делать жирным (масляным)'³⁶.

Б. Табу и эвфемизмы, относящиеся к явлениям природы, злым духам и болезням

У казахов в прошлом запрещалось называть молнию словом *žaj*, которое заменялось словом *žasył* 'зеленый, синий'³⁷. Вместо *kün battı* 'солнце село' нужно было сказать *kün bajıdy*³⁸ 'солнце увеличится' ('встанет')³⁹. Подобные замены все еще употребительны в казахском языке, хотя чаще всего они встречаются в диалектах⁴⁰. Выражение *kün battı* 'солнце село' заменяется выражением *kün qajta bastady*⁴¹ 'солнце успокаивается'⁴². Когда солнце скрыто облаками, употребляется выражение: *kün tynsydy*⁴³ 'солнце в покое'. Если солнце сильно печет, используется выражение: *bugün kün qara bolyp tur*⁴⁴ 'сегодня солнце кажется расстро-енным'.

Демонов и злых духов, которые, согласно поверьям, принимают разные обличья, прямо не называют, обычно их обозначают словами, заимствованными из других языков⁴⁵, например, узб. *iblis*, каз. *ubylys* (<араб., греч.)⁴⁶ 'демон', узб., каз., кирг. *žin, žyn* (<араб.) 'злой дух', *šajtan*⁴⁷ (<араб.) 'дьявол', *albasty*, кирг. *albarsty* (<перс.)⁴⁸ 'страшный демон'. В представлении узбеков это существо появляется то в женском⁴⁹, то в мужском обличье⁵⁰; казахи и киргизы представляют его себе в образе женщины⁵¹. В некоторых областях Узбекистана злых духов называют *тома* 'старуха', *opalar* 'старшие сестры', *ora-qizlar* 'женщины', или *zıjon* (<перс.) 'зло', *parsalar* 'окружающие'⁵².

Существовало поверье, что произнесенное вслух название болезни вызовет появление духа, который покарает говорящего⁵³. В частности, избегали называть заразные болезни. Так, например, оспу, по-казахски *šešek* (слово-табу, означающее 'цветок'), следовало называть *mejman* (<перс.) 'гость', *äulie* (<араб.) 'святой', *qogasan* (?)⁵⁴, *dert* (<перс.) 'болезнь, боль'⁵⁵.

В узбекском языке болезнь, также обозначавшаяся словом *šešak* 'цветок', упоминалась в персидской форме *gul* или *gul toma*⁵⁶ (букв.: 'цветок-женщина'). В Восточном Туркестане болезнь обозначается словом *bübi*⁵⁷, а среди узбеков Афганистана — *bibi*⁵⁸ 'старуха'.

Важно было скрыть подлинный характер болезни от больного и его родственников. В подобных случаях казахи даже заменяли казахское слово «болезнь» *аиги* словами чужого языка: *sırqat* (<монг.), *aqai*, *пауqas*⁵⁹ (<перс.), звучавшими менее неприятно.

Следует отметить, что в некоторых тюркских языках ныне не существует собственных слов для обозначения понятий «больной», «болезнь». В турецком употребляется слово *hasta+lıq* (<араб.), в узбекском *kasal+lik* (<араб.) и *bemor+lik* (перс.). Эти заимствованные слова вытеснили древнетюркское слово *аугу* (>каз. *аиги*, кирг. *оогу*), употреблявшееся в позднечагатайском языке в значении «больной, болезнь»⁶⁰ и сохранившееся ныне в значении «боль»⁶¹. Киргизское слово *оогу* бытует наряду со словами из других языков *пооqas*, *dart*, *kesel* (<перс.) *syrqoo* (<монг.)⁶².

Относительно существующей практики эвфемизирования названий болезней можно заметить, что в качестве слов-заменителей обычно выбираются русские (греческо-латинские) термины. Например, казахское слово *šyžuŋ* заменяется словом *diabet* 'диабет', слово *glaukoma* употребляется вместо каз. *su qaraŋy*⁶³. Ныне узбеки скорее скажут *kantser*, нежели *гак* — термин, ранее заимствованный из русского языка. Вместо

употребительного слова tuberculosis 'туберкулез' предпочитают говорить *koh* (по имени Роберта Коха)⁶⁴. Интересно также отметить, что каз. *tuberkulez*, введенное в употребление вместо выражения *qürt auru* (букв.: 'червячная болезнь'), вытесняется более общим термином родного языка *ökre auruu* 'легочная болезнь'. Казахи также избегают употреблять слова *gak* или *qultamaq* 'рак' и пользуются в этих случаях обобщенным термином *žamaп auru* 'плохая болезнь'⁶⁵.

В тюркских языках существует много слов для обозначения расстройств психики. Некоторые из них считаются слишком прямолинейными, как, например, каз. *žyndy auru* 'болезнь, вызванная злым духом'⁶⁶, *istamaly auru* (<usta- 'держат, задерживать'), и должны быть заменены в вежливой речи выражением *talma auruu* (<tal 'быть подобным тому, из кого выпущен дух')⁶⁷.

В. Табу и эвфемизмы, относящиеся к понятию «смерть»

Во многих тюркских языках избегается употребление слова *öl-* 'умирать', когда речь идет о смерти близких родственников или других уважаемых лиц⁶⁸. Этот обычай существовал еще в древнетюркское время. В орхонских надписях (*Kül Tegin*, *Bilgä Kaghan*, 732 и 734 гг. н. э.) о смерти членов семьи «автора надписи» и уважаемых им лиц говорится в иносказательной форме: *uša bardy* 'он улетел', или *kärgäk bolty* 'он стал отсутствующим'⁶⁹. Только по отношению к врагам, представителям низших сословий и лошадям употребляется слово *öl-*⁷⁰.

В туркменском языке распространены следующие фразы⁷¹: *aradan šyq-*⁷² 'выйти из нашего окружения', *ajryl-*⁷³ 'отделиться', *joyal-* 'потерять-ся', *hasarlaš-* 'свой конец' (букв.: 'свести свои счеты'). Из большого числа выражений, встречающихся в казахском языке, приведем лишь некоторые: *qajtpas žolıya* (*saparyya*) *attan*⁷⁴ 'пуститься в дорогу, не имеющую возврата', *atamyzdan attan*⁷⁵ 'отъехать от нас', *kelmeske ket-* 'уехать в такое место, откуда нет возврата', *žan tapsyr-*, *žan ber-*, *žan tasylym qyl-* 'вручить свою душу (кому-то)', *dünieden öt->öt-* 'уйти от этого мира', *dünieden qajt-* или *dünieden qajtyс bol->qajtyс bol-* 'покинуть этот мир'. Последняя фраза, известная также и в киргизском языке (*dünñöñon qajt-*)⁷⁶, обычно употребляется в некрологах и в повседневной речи, считаясь типично казахским выражением⁷⁷, сравнимым по широте использования лишь с узбекским словом *vafot* (<араб. 'смерть') *qil-*, *et-* 'умереть'. Другими аналогичными выражениями в узбекском языке являются: *haloq* (<араб. 'гибель, разрушение') *bül-* букв.: 'стать разрушенным', *dunjodan ket-*, *üt-* 'уйти из этого мира', *hajotdan küz jum->каз., кирг. köz žüm-~žüm-* 'закрывать глаза на этот мир'. В киргизском языке имеется также слово *üzül-* 'быть изношенным, оборваться', встречающееся также в казахском и узбекском языках⁷⁸. В казахском и киргизском языках существует еще слово *qaza* (<араб. 'несчастный случай, судьба') *tap-*, *bol-* букв.: 'встретить свою судьбу', употребляющееся в вежливой форме вместо слова *ölim*, *ölüm* 'смерть'⁷⁹.

Специфические выражения для обозначения смерти молодых людей и детей в том виде, каком они были зафиксированы в монгольском и тувинском языках⁸⁰, не могут быть в настоящее время идентифицированы, лишь за одним исключением: в наманганском диалекте узбекского языка смерть ребенка обозначается словом *uš-* 'улететь', *bola ušdi* 'ребенок умер'⁸¹.

Принято, чтобы сообщающий о чьей-либо смерти начинал и заканчивал свои слова пожеланием долгих лет жизни⁸². В Турции эти пожелания, выражаемые стереотипной фразой (*Allah*) *sizlere ömür* (*versin*) 'да ниспошлет Аллах (долгую) жизнь тебе и твоей семье', часто заменяет

само сообщение. Например, на вопрос о лице незнакомом и умершем какое-то время тому назад ответ спрашивающему будет таков: *maalesef geçen yıl sizlere ömür* 'к сожалению, он отошел в прошлом году' (букв.: 'долгой жизни тебе и твоим близким').

Г. Табу и эвфемизмы, относящиеся к понятиям: «роды», «мать», «дитя»

Тюркские языки располагают большим числом выражений для обозначения понятия материнства. В киргизском языке слово *booz* (<*bo-γaz*, каз. *buaz*)⁸³ 'беременная' в настоящее время употребляется лишь применительно к животным, в разговоре о людях оно заменяется выражением *qoş qabat* букв.: 'два пласта', *qoş bojlui* букв.: 'с двумя станами', или *bojunda bar* букв.: 'в ее теле есть (кто-то)'. Все эти выражения используются в литературном и разговорном языке, а также в профессиональной речи⁸⁴. В узбекском языке считается предосудительным употребление выражения: *ikki qabat* (букв.: 'два слоя'), хотя оно и бытует в разговорной речи, а также в диалектах⁸⁵. По соображениям вежливости, однако, употребляются слова *homilador* (<араб.-перс.) или *oyig ajoyli* букв.: 'с тяжелыми ногами'⁸⁶. Ср. также казахское *ajaı auıgla-*, диал. *auıgla-*⁸⁷ (букв.: 'ее ноги стали тяжелыми') и *ajaı auıg* 'беременная' (букв.: 'ее ноги тяжелы'). Наиболее предпочтительным выражением в казахском языке в настоящее время является *jeki qabat* (кирг. *qoş qabat*), *jeki qabat bol-*⁸⁸ (букв.: 'быть с двумя пластами'), тогда как слово *žükti* (букв.: 'тот, кто с ношей') менее употребительно.

Иногда употребляется слово *buaz* (ср. с кирг. *booz*)⁸⁹. В прошлом это слово могло быть отнесено и к человеку, и к животному⁹⁰.

Существует ряд прочно закрепившихся иносказательных выражений понятия «роды»: в узб. *tuγ-*, каз. *tu-*, кирг. *tuu-* (<древнетюркское *toγ-* 'появляться, родиться'). В киргизском языке употребляется *törö-* (~монг. *törä-*)⁹¹ или *bojunan boşon-*⁹² > каз. *bosan-*⁹³ (букв.: 'освободиться'). В киргизском языке также распространено выражение *eteginep žalıya*⁹⁴ [букв.: 'быть продолжением ее подола (тела)']. В узбекском языке наиболее характерным выражением является *küzi jori*⁹⁵, в кирг. *köz žar-*⁹⁶ (букв.: 'ее глаза светятся радостью'⁹⁷). В казахском языке используется более сдержанное выражение — *bala (ül) tap* букв.: 'найти ребенка (сына)', которое даже предпочтительнее *bosan-* (см. выше)⁹⁸.

Вопрос о том, кто родился — мальчик или девочка, требует тщательно продуманного ответа. Чтобы не огорчать родителей, у которых родилась еще одна дочка, узбеки говорят: *ıyılmi xolvamı*⁹⁹ 'мальчик это или халва?'¹⁰⁰. Во многих сельских местностях Узбекистана также спрашивают: *bıgımı tülkimi tuııldımı*¹⁰¹ 'родился волк или лиса?'¹⁰². Обычно о новорожденном говорят иносказательно. В узбекском языке ребенка называют *mehmon* 'гость'¹⁰³: *jangi mehmon mubarak бўлсин*¹⁰⁴ 'да будет благословен новый гость'. В киргизском языке используются и такие выражения, как *aqmaq* 'глупыш', *tentek* 'забияка', произносимые, однако, всегда любовно и нежно¹⁰⁵. Даже несколько позднее, после первых недель и месяцев жизни ребенка о маленьких детях, особенно о сыновьях, все еще продолжают говорить иносказательно. В некоторых районах Узбекистана, говоря о маленьком мальчике, можно употребить слово *ajäl* 'женщина, девочка'¹⁰⁶. Из аналогичных соображений в казахском и киргизском языках используются слова — *žaman* 'плохой'¹⁰⁷, *böksek*¹⁰⁸ 'зад'. Страх возбудить похвалой мальчика чувство зависти у злых духов, которые могут ему повредить, породил обычай давать мальчикам имена-обереги с уничижительными значениями. Вот примеры из казахского языка: *Žamanbaj*, *Bylşyq* 'неряха', *Vajraq* 'одетый в тряпье',

baĵ¹⁰⁹; из киргизского: Воqтuгuп 'сопливый нос', Itibaj (<it 'собака'), Kūčūk 'щенок'¹¹⁰.

Распространено также иносказательное обращение к ребенку, как к молодому животному, — обычная защитная уловка, ибо злые духи, по поверью, не обращают внимания на животных¹¹¹. Однако не следует при этом забывать о том, что при кочевом укладе, когда дети вырастали, играя с ягнятами и жеребятами, использование такого рода обращений было вполне естественным¹¹². Например, каз., кирг. bala, узб. bola — обычное обращение к ребенку, сыну первоначально означало «молодое животное»¹¹³; узб. šaqa, кирг., каз. šaqa, употребляемое в сочетании с bala ~ bola, — того же происхождения¹¹⁴. Каз. köbegen¹¹⁵ 'малолетний ребенок, сын' <köbe 'молодой ягненок, родившийся ранней весной'; узб. диал. ulaq, ulaq, ulaq¹¹⁶ 'ребенок' <'молодой козлик'; каз. ködek¹¹⁷ 'маленький ребенок', узб. qotuy 'малолетний', первоначально 'молодой осел', до сих пор употребляются в этих значениях в казахском языке¹¹⁸. Можно было бы привести множество слов, претерпевших подобное семантическое изменение¹¹⁹. Наиболее употребительным выражением является в каз. tūjaq, кирг. tūjaq 'молодой барашек или козел'¹²⁰; каз. ol üjdiñ tört-bes tūjaqu bar¹²¹ 'в той семье четверо или пятеро детей'; кирг. arqamda qalyp tūjaq žoq¹²² 'после меня не останется сына'. Обычно слово tūjaq означает в киргизском языке ребенка-сироту: gamatylyq qarup-dasyndan qalyp žalyp tūjaq¹²³ 'это единственный ребенок моей покойной сестры'. В казахском языке понятие сирота выражается следующим образом: aratpın qalyp köz jedi¹²⁴ 'она является глазом (=ребенком) моей (последней) старшей сестры'.

Наконец, такое выражение, как «родиться», узб. tuyil- часто заменяется сочетанием dunjoga kel- 'приходить в этот мир'. В азербайджанском языке слово doğul- обычно заменяется как в устной речи, так и на письме выражением apadan ol- букв.: 'быть от матери', не встречающимся в других тюркских языках, например: apadan olandan... başga bir jer körmemişdi¹²⁵ 'с тех пор, как он родился... он не бывал в других местах'. С другой стороны, каз. tu-, кирг. tuul- 'родиться' приняты на всех языковых уровнях и не требуют иносказания.

На основе сказанного можно сделать вывод, что табу и эвфемизмы играли и все еще играют важную роль в развитии словарного состава тюркских языков. В исследованиях по тюркской лексикологии и стилистике, а также в работах, посвященных проблемам родства алтайских языков¹²⁶, нельзя не учитывать этого языкового пласта. В этой связи большой интерес представляет исследование вопроса об объекте-табу, а также лингвистического материала иносказаний.

В тюркских, как и в других, языках (Havers, стр. 117—165) происходит определенный отбор эвфемизмов. Иносказания, о которых говорилось выше, возникли на основе:

а) слов, заимствованных из чужих языков; б) использования парфразы («Verhüllende Ausdrücke»: ūlma 'воющий' = волк, переноса значений слов с животного на человека, в частности, на детей); в) антифраз (baĵu- 'возрастать' вместо 'уменьшаться'); г) генерализированных выражений (Havers: «Flucht in die Allgemeinheit»): dert 'болезнь' = оспа; д) эллипсисов (опускаются слова из уже закрепившихся иносказаний: boĵunap bošop- > bosap- 'родить'); е) звуковых изменений или исключений, являющихся иногда обычными звуковыми вариантами (šajtan вместо sajtan).

Приведенное выше, как уже отмечалось, носит предварительный характер, нуждается в дальнейшем изучении фактического материала и тщательных лингвистических исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры даются в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология», со следующими дополнениями: казахский язык — ұ=ӱ; и=i/ĩ (в нерусских словах), узбекский язык — ў=ӱ. Помимо особо оговоренных случаев, казахские, узбекские и киргизские термины взяты из литературного языка, хотя и не всегда возможно строго разграничить литературное и диалектное употребление. Автор считает необходимым отметить, что некоторые издания по данному вопросу остались, к сожалению, недоступными для него, как, например, работы: С. Алтаев. Туркмен дилиндэки эвфемизмлер. Ашгабат, 1958; С. Усманов. Ҳозирги заман ўзбек адабу тилида омоним ва синонимлар. Тошкент, 1959; Н. Исмагуллаев. Ўзбек тилида эвфемизмлар, 1964; Д. З. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — В сб.: «Музей антропологии и этнографии», часть 1, т. VIII. Л., 1929, стр. 1—151; часть 2, т. IX. Л., 1930, стр. 1—166. Однако работа Д. З. Зеленина широко цитировалась в W. Havers. Neuere Literatur zum Sprachtabu (Wien, 1946).

² Ср. с замечаниями, сделанными Hegedüs, стр. 83—84; Taube, I, стр. 591.

³ Так, М. Пей (см.: M. Pei. The story of language. — «A Mentor Book, Second Printing», 1963, стр. 214—215) оба термина употребляет разнозначно. Даже Havers (стр. 19—20) утверждает, что лингвистическое табу присутствует лишь там, где религиозные верования или суеверия запрещают употребление обычных слов и выражений, и что различие между лингвистическим табу и эвфемизмом (gesellschaftlicher Euphemismus) связано исключительно с этим мотивом. Автор допускает, что в ряде случаев трудно выявить истинную причину и природу подобных мотивов.

⁴ Прекрасным примером современного лингвистического табу является попытка экономистов и политиков США дать перифраз слова «депрессия».

⁵ Ср. показательный пример, приведенный Havers, стр. 167—168.

⁶ Поскольку в данной работе речь идет главным образом о лингвистических табу и эвфемизмах, обычаи и верования, лежащие в их основе, анализируются весьма кратко.

⁷ Это особенно часто употреблялось при обозначении диких животных и злых духов, которые, согласно поверью, понимают язык лишь тех людей, которые живут с ними на одной территории, а потому не поймут слов чужого языка. См.: Havers, стр. 128—132, а также Hegedüs, стр. 80, 94, 95.

⁸ Азимов, стр. 130. Подобный же запрет существовал у других народов, см.: Havers, стр. 16. В Монголии и обширном районе Центральной Азии змен считались разносчиками болезней, причем особенно опасных для детей. См.: C. R. Bawden. The Supernatural Element in Sickness and Death According to Mongol Tradition, Part I. — «Asia Major», Vol. VIII, № 2, стр. 238—239, 246.

⁹ Болганбаев, стр. 227.

¹⁰ Азимов, стр. 131.

¹¹ Это слово, зафиксированное во многих тюркских языках (Räsänen, стр. 219), в туркменском языке должно было бы приобрести форму qajüş, а не qajys. Возможно, qajis заимствовано из казахского языка, в котором š>s является обычным звуковым замещением, либо здесь звук š произвольно заменен на s в связи с требованиями табу.

¹² Taube, I, стр. 593. В азербайджанском языке змея обозначается словом ip 'ить', а также kafir 'неверный'; xalasy köjčäk, xalasy na la'nat.

‘да будет проклята ее тетка’. (См.: «Азәрбајҹан бәдији дилинин услубијјәти». Бақы, 1970, стр. 109; *Рәһимзада*, стр. 62).

¹³ То же самое и у монголов, см.: *N. Poppe*. One some Mongolian Names of Wild Beasts. — CAJ, IX, стр. 164—170; *A. Sárközi*. A. Mongolian Hunting Ritual. — АОН, XXV, 1972, №№ 1—3, стр. 198.

¹⁴ *Болғанбаев*, стр. 227. В данном случае ср. также с туркменским выражением *gurt ayzasañ, gurt geler* ‘если назовешь волка, он явится’ (*Азимов*, стр. 132).

¹⁵ Нижеследующие обозначения последовательно перечислены *Болғанбаевым* (стр. 227).

¹⁶ Возможно, слово-табу иранского происхождения, см.: *Räsänen*, стр. 84. Другим заимствованным словом для обозначения волка является *gürk* (<перс.), зафиксированное в новоуйгурском языке (*Menges*. Glossar, стр. 723), а также в устной речи кыпчакских узбеков, см.: «Ўзбек халқ достонлари», II. Тошкент, 1958, стр. 496.

¹⁷ Это же слово *itqış* встречается также у узбеков, проживающих в районах Самарканда и Сурхандарьи, где волка называют словом *žondor* (<перс.) ‘тварь’ (*Исматуллаев*, I, стр. 8).

¹⁸ В монгольском языке в словах-заменителях, обозначающих волка, также акцентируется описание ушей животного, см.: *Sárközi*. Упом. раб., стр. 198.

¹⁹ *Räsänen*, стр. 512.

²⁰ *З. Б. Бўронов*. Инглис ва ўзбек тиллари *kijosū* грамматикаси. Тошкент, 1973, стр. 67, а также: *Исматуллаев*, I, стр. 8, где говорится, что слово *qashqir* употребляется во многих областях Узбекистана. В южных районах Ферганской области волка обозначают словом *qarşuqul* (*УШЛ*, стр. 424). Это намеренно переделанное слово *qarşuqul*, обозначающее волка в киргизском языке, можно было бы читать как *qarşu qol* ‘рука, противостоящая’, то есть рука, совершающая грех, — эвфемизм для слова «вор». [Ср. *qol* ‘рука’, обозначающая в сказках узбеков Афганистана волка (см.: *K. H. Menges*. Zum Özbekischen von Nord-Afghanistan. Anthropos, XLI—XLIV, 1946—1949, стр. 707)]. Ср. кирг. *qol sal* (*Кыр. ТТС*, стр. 323) *букв.*: ‘протянуть руки’, то есть ‘украсть’. См. также примечание 29.

²¹ Эти термины приведены у *Азимова*, стр. 132.

²² В тувинском языке в обычной разговорной речи словами-заменителями для *bög* ‘волк’ являются *džer i'di* ‘степная собака’, *aldajniñ i'di* ‘алтайская собака’, *džer dživezi* ‘то, что имеет отношение к степи’ (подобные же термины существуют в монгольском языке, см.: *N. Poppe*. Упом. раб., стр. 167), или *oqälyk* ‘старый человек’ (*Alterchen*), *ežej* ‘дед’. Нельзя, однако, произносить и это слово, хотя и считающееся наиболее приемлемым, поздно вечером, если при этом едят мясо. Особая осторожность предписывается в том случае, если некто обращается к волку непосредственно, либо во время охоты. В этом случае следует задобрить его словом *хагқап* ‘тот, кого уважают’. (См.: *Taube*, I, стр. 592—593). Такой же обычай распространен и среди монгольских охотников, см.: *A. Sárközi*. Упом. раб., стр. 194.

²³ *Н. Рәһимзада*, стр. 62. Слова-табу для обозначения волка в других тюркских языках приведены в работе: *А. М. Щербак*. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 132.

²⁴ *Г. Абдирахманов* (под ред.). *Фонетика, лексикология, морфология*. Тошкент, 1966, стр. 125. Так же обозначается скорпион и в новоуйгурском языке, см.: *Menges*. Glossar, стр. 733.

²⁵ *Исматуллаев*, I, стр. 8.

²⁶ *Исматуллаев*, I, стр. 8.

²⁷ *З. Б. Бўронов*. Указ. раб., стр. 67.

²⁸ *Болганбаев*, стр. 227; *Кыр. ТТС*, стр. 629, также: «Ала-Тоо», 1971, № 1, стр. 58. Киргизы, живущие на Памире, в Афганистане, называют своих животных *tört butluq* 'четвероногие'. (Автор обязан этими сведениями Назифу Шахрани из Кабула).

²⁹ Эта фраза (букв.: 'это перешло в другие руки', ср. немецкое «ab-handen kommen») употребляется также и в литературных текстах. Любопытно, что в *КТТС*, II, стр. 58 она приводится в виде *žoyaldy ırlandy*. Это те самые первоначальные слова, которые должна была бы заменить приведенная фраза. Вероятно, по этой причине выражение *qoldy boldy* уже утратило в литературном казахском языке свой эвфемистический характер.

³⁰ *Болганбаев*, стр. 227.

³¹ Там же. Такие же выражения бытуют у узбеков Афганистана. (Устная информация Назифа Шахрани).

³² *Кыр. Аял.*, 1969, № 7, стр. 18. В данном случае слово употребляется даже в отрицательной форме: *saapçylar ujum bajubasa dep tilejt* букв.: 'доярки молят (говоря), только бы молока не стало больше'. В данном контексте очевидно, что *baju* приобрело иное значение: «становиться меньше, иссякать». Поэтому *Кыр. ТТС*, стр. 79 рассматривает его как новое слово и приводит отдельно от *baju* - 'увеличиваться, делаться обильнее'. Это может служить примером того, как выражение-эвфемизм иногда со временем приобретает значение замененного им слова.

³³ *ҚТТДМ*, 1963, № 5, стр. 273.

³⁴ За эти примеры я выражаю свою признательность академику Смету Кенесбаеву (Алма-Ата), моему учителю. *Havers* (стр. 134) замечает, что грузины, избегая употребления слова «пусто» в том случае, если бы их запасы хлеба или вина истощились, сказали бы: «полно». Замены для слов «нет», «ничто», «пусто», связанных с пищей, встречаются во многих языках (*Havers*, стр. 133).

³⁵ Этим примером я также обязана академику С. Кенесбаеву.

³⁶ *Болганбаев*, стр. 228. Интересно употребление слова *maj* 'жир', приобретающего в данном контексте, кажется, некоторое дополнительное значение в киргизском языке, а именно: оно означает некую компенсацию за что-либо, данное взаймы или для использования: *attyn majun töböo* букв.: 'заплатить за жир лошади'; *ot majun tölöo* букв.: 'заплатить за сено'. (*Кыр. ТТС*, стр. 414).

³⁷ *Болганбаев*, стр. 228. Это слово все еще употребляется в диалектах казахского языка (см.: *Ж. Доскараев*. Арыс говорының лексикалык ерекшеліктер; *ҚТТДМ*, № 3, 1960, стр. 46), оно встречается также и в литературных текстах. Не будучи знакомой с представлениями казахов о погоде, я не уверена в том, действительно ли *žasył* связано с понятиями «синий» или «зеленый». G. Jarring (*Ethnos*, 36, № 1, стр. 26—27) сообщает, что цветом молнии в Восточном Туркестане считается синий (*kök*), но обозначают ее словом *al* 'красный', а иногда также *ot*, *oşaқ* 'огонь'. Вероятно, *žasył* имеет отношение к узбекскому *jašin* 'молния' (в чагатайском также *jašum*, *išin*, *išin*; *Räsänen*, стр. 192).

³⁸ *Болганбаев*, стр. 227—228.

³⁹ О переводе прошедшего времени в третьем лице, *bajydy* в данном случае и в предыдущих примерах, в форме «увеличится, возрастет» см.: *I. Laude-Cirtautas*. The Past Tense in Kazakh and Uzbek as a Means of Emphasizing Present and Future Actions. *CAJ*, XVIII, № 3, стр. 149—158.

⁴⁰ Выражение *kün baju* употребляется во многих диалектах казахского языка, см.: *КТДС*, стр. 59; *Е. Жанпейисов*. Қазақ пен уйгур би-

лими мәселелери. Алматы, 1963, стр. 60. Оно известно также в башкирском языке: *köp bajys* 'запад', что приводится без пояснений. См.: *M. Räsänen. Die Himmelsrichtungen in den Altaischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung der Türk-Sprachen. UAJb, 36, №№ 3—4, 1965, стр. 394.* Там же приведен интересный туркменский термин *gün jaşar* '(направление), в котором скрывается солнце'.

⁴¹ ҚТТДМ, 1962, № 4, стр. 40.

⁴² В монгольском языке понятие «заход солнца» выражается с помощью слова *jigya* 'быть счастливым'. Это же слово, применительно к важным лицам (правителям, чиновникам высокого ранга), имеет значение «ложиться, отправляться спать» (см.: *N. Poppe. On some Honoric Expressions in Mongolian. Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970, стр. 490—491.* Следует заметить, что во многих других языках также не принято говорить о заходе солнца прямо (см.: *Havers, стр. 87—90).*

⁴³ ҚТТДМ, 1960, № 3, стр. 106.

⁴⁴ ҚТТДМ, 1962, № 4, стр. 40.

⁴⁵ См. примечание 7. Часто название из чужого языка, а также любое другое название не употребляется, как, например, в турецком языке: *eji sihhatte olsunlar geldi* 'да будут они пребывать в добром здравии (=злые духи) появились' (как это сообщает Гюлиз Куруоглу). Из одного азербайджанского источника мы узнаем, что, когда упоминают о злых духах, следует быстро сказать: *jeddi daylar ašsyn! daylara dašlara! evdän-ešikdän uzaq* (*Рәһимзада*, стр. 63) 'да взбегутся они (он) на семь гор! К горам и камням! Прочь от (нашего) дома и дверей!' О подобных же выражениях в венгерском языке см.: *Hegedüs, стр. 89.*

⁴⁶ *K. H. Menges. Glossar, стр. 730.* Возможно, что некоторые персидско-арабские слова, приведенные в данном сообщении, были заимствованы и усвоены вместе с системой религиозной исламской терминологии, а не в результате табуирования.

⁴⁷ Интересно, что в литературном казахском языке сохраняется слово *šajtan*, несмотря на обычную замену звука *š > s* в других случаях.

⁴⁸ *K. H. Menges and N. T. Katanoff. Volkskundliche Texte aus Ost-Turkistan, I. SBAW, 1933, стр. 99.*

⁴⁹ *I. (Laude)-Cirtautas. Pre-Islamic Rites Among Uzbeks. — «Traditions Religieuses et Para-Religieuses des Peuples Altaïques». Travaux du Centre d'études Supérieures spécialisé d'Histoire des Religions de Strasbourg, 1972, стр. 42.* По поводу слова *albasty* см. также: *U. Johansen. Die Alpfrau. Eine Dämonengestalt der Türkischen Völker. ZDMG. Vol. 109, № 2, 1959, стр. 303—316.*

⁵⁰ *G. Jarring. Uzbek Texts from Afghan Turkestan. With Glossary. Lund Univ. Arsskrift, XXXIV, 2. Lund and Leipzig, 1938, стр. 89, фото 3.*

⁵¹ Демон, называемый также в каз. *martu*, в кирг. *martuu* (<?), особенно опасен для женщин во время родов (см.: *Х. А. Аргынбаев. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы, 1973, стр. 89.*

⁵² *Исмагуллаев, I, стр. 7.*

⁵³ Подобные суеверия известны и у других народов, см.: *Havers, стр. 90; Hegedüs, стр. 92—93.*

⁵⁴ *Болганбаев, стр. 227.*

⁵⁵ *С. Кенесбаев, Г. Мусабаев. Қазирги қазақ тили. Лексика, фонетика. Алматы, 1962.*

⁵⁶ *Исмагуллаев, I, стр. 9.*

⁵⁷ *К. H. Menges and N. T. Katanoff. Упом. раб., стр. 54.*

⁵⁸ Эту информацию сообщил автору Назиф Шахрани.

⁵⁹ Болганбаев, стр. 37, 228.

⁶⁰ Другое древнетюркское слово для обозначения болезни, *ig, jig*, кажется, сохранилось только в некоторых анатолийских диалектах (*S. Çağatay. Zur Wortgeschichte des Anatolisch-Türkischen. UAJb, XXXII, №№ 1—2, 1960, стр. 80*), а также в узбекских диалектах Хорезмской области, см.: *ÜSL*, стр. 31.

⁶¹ Например, по-узбекски говорят *boş oʻgʻriyi*, по-турецки *baş ağrısı* 'головная боль', но по-узбекски же *jurak kasalligi* и по-турецки *kalb hastalığı* 'болезнь сердца'.

⁶² В просмотренной нами литературе, включая статьи по медицине, опубликованные в *Кыр. Аял*, в большинстве случаев употребляется слово *oogı*; см., например: *Там же*, 1967, № 5, стр. 23; 1969, № 7, стр. 9.

⁶³ Болганбаев, стр. 178.

⁶⁴ *Исматуллаев*, II, стр. 4. В другом месте (*Исматуллаев*, I, стр. 15—16) слово *koх* определяется только как медицинский термин. В некоторых узбекских районах болезнь обозначается с помощью слов *uzup oʻgʻriq* 'длительная болезнь' или *uzoq ʻirpka kasaly* 'длительная легочная болезнь' (*там же*, стр. 9). Страдающего этой болезнью называют *dardlik kişi* 'человек с болезнью'. В Турции эта болезнь обозначается с помощью смягчающего прилагательного: *ince hastalık* 'тонкая болезнь'. Ср. также *inckä arıyū* — то же слово (*J. Eckmann. The Divan of Gada'i. Indiana University Publications. — «Uralic and Altaic Series». Vol. 113, стр. 320.*

⁶⁵ Болганбаев, стр. 228, а также: «Жулдыз», 1974, № 2, стр. 188.

⁶⁶ Болганбаев, стр. 228.

⁶⁷ *Там же*.

⁶⁸ Согласно утверждению одного из моих узбекских информантов, слово *öl-* принято употреблять только применительно к животным, чужестранцам, либо к людям, которые не нравятся говорящему. См. также: *Taube*, I (стр. 594) о стремлении избежать употребления этого слова в тувинском языке.

⁶⁹ Последняя фраза может также читаться как *kärkäk buldy* 'он нашел свой конец' (*er fand das ihm vom Himmel bestimmte Mass*); см.: *A. von Gabain. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos», 48, 1953, стр. 546—547.*

⁷⁰ *Там же*, стр. 547.

⁷¹ *Азимов*, стр. 131. Аналогичные выражения имеются в тувинском и монгольском языках (см.: *Taube*, I, стр. 594). *K. Sagaster and M. M. Hattod. Über einige Ausdrücke für «sterben» im Mongolischen. JSFOU, 65, № 1, 1965, стр. 99—119.* Можно вспомнить слова и фразы, употребляющиеся в связи с обозначением смерти и траура в других языках, например, в английском языке «*to pass away*», «*the decease*», в немецком — «*der (die) Verblichene*».

⁷² Слово, обычно употребляемое в некрологах, ср.: «Эдебийят ве сунгат», от 30 октября 1974 г., стр. 4.

⁷³ Эта фраза (<OT. *adyryl*) часто употреблялась в древнетюркских погребальных надписях (орхонских и енисейских), см.: *A. von Gabain. Упом. раб., стр. 547; T. Tekin On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions. UAJb, XXXV, 1964, 139—143.*

⁷⁴ «Жулдыз», 1974, № 7, стр. 100; Болганбаев (стр. 275) приводит многие другие выражения.

⁷⁵ *ҚӘ*, от 22 ноября 1974 г., стр. 4. Ср. с аналогичным выражением в современном монгольском языке (*N. Porre. Упом. раб., стр. 494*): *morila-*, первоначально означавшее «отправиться верхом на лошади», ныне в вежливой речи употребляется вместо слова «умереть».

⁷⁶ Киргизские выражения, полностью или почти совпадающие с казахскими, взяты нами из: *Б. Сиранчиева*. Кыргыз тилиндеги синонимдердин пайда болуу булактары. — В кн.: «Кыргыз тилинин грамматикасынын жана лексикасынын очерктери». Фрунзе, 1965, стр. 95.

⁷⁷ См.: *Ю. Джуманазаров*. Диалектал питкнинг ўзига ҳос хусусиятлари. — «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1971, № 3, стр. 47.

⁷⁸ См., например: *А. Каххор*. Танландан асарлар, т. II. Тошкент, 1957, стр. 37; *М. Ауезов*. Абай жолы. Алматы, 1961, стр. 806.

⁷⁹ *Болганбаев*, стр. 37.

⁸⁰ *K. Sagaster and M. Haltod*. Упом. раб., стр. 101; *Taube*, I, стр. 594—595.

⁸¹ *Исмагуллаев*, I, стр. 13. В азербайджанском языке о том, у кого умер ребенок, говорят следующим образом: *сугау сөндү* 'свет его погас' (*Рәһимзада*, стр. 67). Там же приведены многие другие выражения, употребляющиеся для обозначения смерти и умирающего.

⁸² Прекрасная иллюстрация этой древней традиции дана в главе о «Кутадгу Билиг» (1069/70 гг. н. э.), озаглавленной «*Qutaḡu Ögdülmiške Odıurmişniñ ölmışin ayur*» [(как) Qutaḡu рассказывает Ögdülmiş о смерти (его брата) Odıurmiş] (*R. R. Arat*, red. «*Kutadgu Bilig*». Istanbul, 1947, стр. 622).

⁸³ Этимология этого слова неясна. Действительно ли значение его идентично значению слова *boʻyaz* 'горло', как утверждает *Räsänen* (стр. 78)?

⁸⁴ Ср. с рядом статей в *Кыр. Аял*, 1971, № 6, стр. 9; 1971, № 12, стр. 22.

⁸⁵ Например, оно употребляется в разговорном языке, в сатирическом журнале «Муштум», 1973, № 9, стр. 12. Этот термин имеется также в наманганском диалекте узбекского языка (*УШЛ*, стр. 443).

⁸⁶ *М. Турсунов*. Юзирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 142. Выражение «с тяжелыми ногами» известно также в монгольском языке (этими сведениями я обязана проф. Н. Поппе). В тувинском языке есть подобное же выражение: *hol budu āg* 'та, у которой тяжелые руки с тяжелыми ногами' (*Taube*, II, стр. 77). Ср. также азерб. *ajaуу аууг ол* 'быть с тяжелыми ногами' (*Рәһимзада*, стр. 66). Здесь перечисляются также и другие иносказания, однако без указания того, какое из них предпочитается: *bojnunda ol- букв.*: 'находиться в ее теле', *gāfāsi (boj-nu)dolu ol- букв.*: 'ее тело стало полным', *hamli ol- букв.*: 'быть беременной'.

⁸⁷ *Ж. Булатов*. Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958, стр. 167.

⁸⁸ В литературных, а также в научных текстах это выражение широко употребляется, см., например: *Х. А. Аргынов*. Указ. раб., стр. 87; *jeki qabat ājel* 'беременная женщина', *jeki qabat kezinde* 'во время беременности'.

⁸⁹ *И. Жансугиров*. Шычармалар, т. V. Алматы, 1964, стр. 164.

⁹⁰ *Е. Жубанов*. Лексикалык элементтердин стилдик өни зайыпдагы кейвир топшылаулар. — В кн.: «Қазақ тилинин тарихи туркылы зертеулер». Алматы, 1965, стр. 152—154.

⁹¹ Вероятно, первоначально значение слова *törö- ~ törä-* было следующим: 'возникать', см.: *Räsänen*, стр. 494.

⁹² *Сиранчиева*. Указ. раб., стр. 95. Однако можно говорить о явной предпочтительности слова *törö* перед словом *bojunan boşon-*. Последнее, как правило, в литературных произведениях не встречается, в то время как слово *tögö-* употребляется часто, см., например: *Т. Сыдыкбеков*. Тоо арасында. Фрунзе, 1974, стр. 446, 488; *Кыр. Аял*, 1970, № 7, стр. 23. Ср.

также с *töröt üjü* 'родильный дом'. Казахским термином для выражения этого значения, официально принятым Комиссией по терминологии Совета Министров Казахской ССР, является ныне *böbek üji* *букв.*: 'дом малютки', заменивший *ajelder bosanatyp üj* и *bosanu üji*, что было рекомендовано ранее той же самой комиссией (*ҚӘ*, от 14 декабря 1968 г., стр. 2). В узбекском языке употребляется выражение *tuγuq хоп* («Гулистон», 1975, № 1, стр. 24).

⁹³ *Аргынбаев*. Указ. раб., стр. 91—92; также: *КТТС*, I, стр. 120.

⁹⁴ *Т. Сыдыкбеков*. Биздин замандын кишилері. Фрунзе, 1970, стр. 66.

⁹⁵ *М. Турсунов*. Указ. раб., стр. 142.

⁹⁶ *Сиранчиева*. Указ. раб., стр. 95.

⁹⁷ Например, *Dilbor kelin ajang oyir ojoqli isga jaramaj qolgan. Ertamiindin küzi jorisa bir-ikki jil kolhoz isini qilolmajdi* (*Саид Ахмад*. «Шарк йулдузу», 1964, № 2, стр. 36) 'Новобрачная Дильбор Айанг беременна (oyir ojoqli) и не способна к работе. Если она родит (*букв.*: 'если ее глаза засветятся') через несколько дней, она не будет способна работать в колхозе год или два'. Фразеологизм *küzi jori-* (~*köz jari-*) весьма древний, первоначально обозначавший любого вида радость. Впоследствии это выражение стало означать исключительно радость в связи с рождением ребенка. Например: ...*Aj Qayannuñ közü jaryb bodady arkäk oyul toγurdy* [*А. М. Щербак*. Огуз-наме. Мухаббат-наме (Москва, 1959), стр. 22] 'Глаза Ай Хана светились и сверкали (радостью), родился сын'.

⁹⁸ Следует заметить, однако, что в некоторых районах Казахстана выражения *bala tap-* или *bala tu-* считаются не очень приемлемыми, «неуместными» (*jersi söz*) и вместо них употребляется слово *bosap-* (*ҚТТДМ*, № 3, 1960, стр. 68). Аналогичные случаи встречаются также и в диалектах киргизского и узбекского языков. Например, в некоторых диалектах узбекского языка слово *tu-* 'рождать' не требует никаких индифференций (*УХШЛ*, стр. 383), в то время, как в ряде других диалектов говорят *baça tor-* (=каз. *bala tap-*), *büşanib ol-*, *qutilib ol-* *букв.*: 'быть облегченной', *farzand küg* *букв.*: 'увидеть ребенка' (*Исмагуллаев*, I, стр. 12; без указания, однако, на то, в каких случаях употребляется каждое из этих выражений).

⁹⁹ Это, как мне сообщили в Ташкенте, весьма распространенное выражение. См. также: *Исмагуллаев*, II, стр. 6; *Саид Ахмад*. Танландан асарлар, т. I; *Никойалар* (Тошкент, 1971), стр. 255; *УХШЛ*, стр. 283.

¹⁰⁰ Халва — весьма популярный вид сладости, по составу представляющий собой пасту из смеси семян кунжута и орехов с добавлением меда.

¹⁰¹ *А. Алиев*. Наманган шеваларининг бази лугат хисисийатлары, *УТА*, 1972, № 5, стр. 51. В ферганском диалекте выражение *boyri tülki tüg-* *букв.*: 'приносить волка (волков) и лисицу (лисиц)' относится к женщине, которая часто рождает и мальчиков, и девочек. В диалектах азербайджанского языка в этом случае говорят *agra buyda doγ-* *букв.*: 'приносить рождь и пшеницу'; «*Азербайжан дилинин диалектоложии лугати*». Баку, 1964, стр. 40.

¹⁰² Тувинцы о новорожденном спрашивают так: *oldza dzül?* 'какого рода добыча?'. Если родился мальчик, отвечают: *örge duzaydär* 'тот, кто поймает суслика'; если девочка: *öšgü sär* 'та, которая будет доить козу' (*Taube*, II, стр. 81).

¹⁰³ Это выражение, как я узнала об этом в Ташкенте, широкоупотребительное. См. также: *А. Кодирий*. Mehrобдап чойон. Тошкент, 1959,

стр. 40. — Журн. «Фан ва турмуш», 1974, № 8, стр. 8. Уместно вспомнить здесь монгольское слово *žoi* 'гость', ставшее именем старшего сына Чингисхана (*N. Poppe. On Some Words for «Guest» in the Altaic Languages. Jean Deny Armagani. Ankara, 1958, стр. 200*).

¹⁰⁴ Об этом сообщил нам в Ташкенте д-р Ориф Усмонов.

¹⁰⁵ Эти слова употребляют, например, женщины, благословляя новорожденного. *Т. Сыдыкбеков. Тоо арасында. Фрунзе, 1974, стр. 488—489.*

¹⁰⁶ *УХШЛ*, стр. 325; *УДМ*, II, стр. 383. Поверье, что злые духи стремятся причинить зло главным образом мальчику, а не девочке, легло в основу обычая давать мальчикам имена девочек, например, у киргизов (*L. Rasonyi. Der Frauenname bei den Türkvölkern. UAJb, XXXIV, 1962, стр. 229*).

¹⁰⁷ *Кыр. Аял*, 1969, № 7, стр. 9: *žamaпum* 'мой сын'.

¹⁰⁸ «*Жулдыз*», 1974, № 7, стр. 130.

¹⁰⁹ *Т. Жанұзаков. Қазақ есімдеринин тарихи. Алматы, 1971, стр. 45.*

¹¹⁰ *Кыр. Аял*, 1974, № 6, стр. 14. Имена с компонентом, обозначающим собаку, имеются и в казахском языке, например: *Itbaj, Itbas, Kūšik, Вагақ*, однако они лишены сопутствующего неприятного оттенка, см.: *Т. Жанұзаков. Указ. раб., стр. 45.*

¹¹¹ *Taube, I, стр. 599.*

¹¹² Некоторые из рассматриваемых здесь терминов первоначально, возможно, употреблялись еще до приобретения ими общего значения «ребенок», выражая ласку, нежность. Например, слово *qozi* 'ягненок' в узбекских диалектах Хорезмской области употребляется в значении «ребенок» (*УХШЛ*, стр. 377), а в казахском и киргизском языках является лишь ласковым обращением.

¹¹³ *А. М. Щербак. Названия домашних животных... стр. 108.*

¹¹⁴ *Там же*, стр. 108—109.

¹¹⁵ *А. Искаков и др. Қазақ тилинің қысқаша етимологиялық сөздігі. Алматы, 1966, стр. 102—103.*

¹¹⁶ *УХШЛ*, стр. 372—374. Ср. американское и английское слово *kid* 'ребенок' < 'молодой козлик'.

¹¹⁷ *ҚТТДС*, стр. 160.

¹¹⁸ *Там же*, а также: *КТТС*, I, стр. 304. Возможно, последнее слово иранского происхождения, оно получило широкое распространение: См.: *K. Menges. Das Saṣatajische in der persischen Darstellung von Mirza Mahdi: Xān. Akad. Wiss. Lit. Mainz, Abh. Geistes-u. Sozialwiss. Kl., Jahrgang, 1956, № 9, стр. 724.*

¹¹⁹ Например, азерб. *kögrä* 'ребенок', 'дитя' < 'новорожденный ягненок'; тур. *şoşuq* 'ребенок' < 'маленький поросенок' (*Räsänen*, стр. 113, 293).

¹²⁰ Это слово известно также в значении «копыто», см.: *Кыр. ТТС*, стр. 626; *ҚТТС*, II, стр. 379.

¹²¹ *А. Гасенов. Қазақ тили. Алматы, 1973, стр. 28.*

¹²² *Кыр. ТТС*, стр. 626.

¹²³ «Ала-Тоо», 1974, № 7, стр. 78; *Кыр. Аял*, 1969, № 2, стр. 11.

¹²⁴ *Рәһимзада*, стр. 256.

¹²⁵ *И. Жансугиров. Указ. раб., стр. 66.*

¹²⁶ См.: *N. Poppe. CAJ, IX, № 3, стр. 161; L. Bazin. Les interdits de vocabulaire et la comparaison turco-mongol. — «Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients», 1974, № 5 (Sprache Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Protokollband der XII. Tagung der PIAC 1969 zu Berlin).*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Азимов — С. П. Азимов. Туркмен дилинің меселелери. Ашгабат, 1969.
 Болганбаев — А. Болганбаев. Қазақ тилиндеги синонимдер. Алматы, 1970.
 Havers — W. Havers. Neuere Literatur zum Sprachtabu. SWAW. Phil. Kl. Bd. 223, Abh. 5. Wien, 1946.
 Hegedüs — L. Hegedüs. Sprachtabu und Namenmagie. Orbis, VII, № 1, 1958, стр. 79—96.
 Исматуллаев, I — Н. Исматуллаев. Эвфемизмы в современном узбекском языке. Автореф. дисс. Ташкент, 1964.
 Исматуллаев, II — Н. Исматуллаев. Эвфемизмларнинг лугат составини ва сўз ма'нolariни бойитишдаги аҳатийати. — «Илти асарлар», 42, т. 2, китоб: «Тилшунослик масалалари». Тошкент, 1964.
 ҚД — «Қазақ адабиёти». Алматы.
 ҚТДС — «Қазақ тилинің диалектологийалық сөздиғи». Алматы, 1969.
 ҚТТДМ — «Қазақ тили тарихы мен диалектологийасының мәселелери». Алматы.
 ҚТТС — «Қазақ тилинің түсіндірме сөздиғи», I—II. Алматы, 1959; 1961.
 Кыр. Аял — «Кыргызстан аялдары». Фрунзе.
 Кыр. ТТС — «Кыргыз тилинің түшүндүрмө сөздүгү». Фрунзе, 1969.
 Menges — К. Н. Menges. Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkistan II. Akad. Wiss. Lit. Mainz, Abh. Geistes- u. Sozialwiss. Kl., Jahrgang, 1954, № 14.
 Räsänen — M. Räsänen. Versuch eines Etimologischen Worterbuches der Turksprachen. Helsinki, 1969.
 Рәһимзаде — Н. Рәһимзаде. Азәрбајҹан дилинин евфемистик ифадәләри һагьында. — «Азәрбајҹан ССР Елмләр Академијасынын хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт серијасы», 1966, № 3, стр. 62—69.
 Taube, I — E. Taube. Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum. — «Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients», 1974, № 5, стр. 589—607.
 Taube, II — E. Taube. Mutter und Kind im Brauchtum der Tuwiner. — «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», 1970, № 27, стр. 75—89.
 УДМ — «Узбек диалектологиясындан материаллар», I—II. Тошкент, 1957; 1961.
 УТА — «Узбек тили ва адабиёти». Тошкент.
 УХШЛ — «Узбек халғ шевалари лугати». Тошкент, 1971.
 УШЛ — «Узбек шевалари лексикасы». Тошкент.

Перевод с английского И. Е. ФАДЕЕВОЙ